

Доктор Дэвид А. де Сильва , Послание к Евреям, сессия 3, Послание к Евреям 2: 5-18: Надежда и помощь в Сыне

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

В предыдущей презентации мы рассмотрели первый основной аргументативный блок Послания к Евреям, а именно главу 1, стих 1, по главу 2, стих 4, которые, как мы обнаружили, связаны в единое целое на основе лежащего в основе силлогизма. Автор значительно украсил этот силлогизм хвалебными утверждениями относительно Сына, Иисуса, и более мелкими шагами в общей аргументации. Оставшаяся часть второй главы Послания к Евреям продолжает развивать сильные христологические темы, которые были введены в первой главе.

Однако это делается не только для того, чтобы придать вес серьезности вниманию словам, сказанным Сыном, но и с целью предоставить пастырское утешение и надежду аудитории, которая потеряла честь и статус в этом мире в результате своего ответа Сыну до этого момента. Центральным элементом этого сегмента является христологическое прочтение автором Псалма 8, стихи 4-6, в котором он устанавливает, что путь Иисуса через страдания к славе - это путь, по которому многие сыновья и дочери должны ожидать путешествия, если они хотят достичь своей божественно назначенной судьбы. Автор продолжает в оставшейся части главы, а затем размышляет о целесообразности прибытия Иисуса к славе только после страданий.

Поскольку бедственное положение людей заключается в том, чтобы подвергаться страху смерти и нуждаться в освобождении, чтобы столкнуться с испытаниями и проверками, Бог в Своем предвидении заранее назначил Сына их пионером, проведя его через страдания к славе впереди них. Таким образом, слушатели могут быть уверены, что их нынешние неприятные переживания на самом деле не являются признаком отдаления от Бога, а скорее признаком того, что Бог знал, что они будут там, где они будут следовать по стопам Сына на пути к славе. В Евреям 2, стихи 5-9, автор вводит текст из Псалма 8, который он объяснит словами: Ибо не Ангелам покорил Он будущий мир, о котором мы говорим.

Со словом *for* автор вводит то, что следует далее, как обоснование для главы 2, стихи 1-4, продолжая поддерживать призыв уделять должное внимание слову Сына в своей жизни. Мы уже отметили, что грядущий мир здесь — это божественное царство, которое, хотя и существует сейчас для Бога и духовных

существ, населяющих его, пока недоступно для людей, и поэтому, с нашей точки зрения, это грядущее царство. Это царство, которое появится, когда физические небеса и земля будут потрясены и удалены.

Автор здесь имеет в виду, что, подчиняя этот грядущий мир власти Сына, Бог дал Сыну власть над тем, кто войдет в этот мир, и поэтому постоянный ответ человека Сыну является определяющим для его места в грядущем царстве. Встретимся ли мы с Сыном как с врагами, которые будут покорены под его ногами, как обещает цитата из Псалма 109? Или мы встретимся с Сыном как со многими сыновьями и дочерьми, которые приняли и были приняты Сыном, чтобы быть принятыми в это царство? Теперь автор продолжает цитировать сам текст псалма. Кто-то где-то засвидетельствовал, говоря: что есть человек, что Ты помнишь его, или Сын человеческий, что Ты заботаешься о нем? Ты поставил его немного или немного ниже ангелов.

Ты увенчал его славою и честью. Ты покорил все под ноги его. В своем первоначальном контексте Псалом 8 читался бы просто как празднование места человека в творении Божьем.

Строки, что есть человек, что Ты помнишь о нем, что есть дети человеческие, что Ты должен был заботиться о них, традиционно понимались как общие ссылки на всех смертных. Может быть знаменательным, что автор Послания к Евреям пропустил одну строку из этих стихов в оригинальном псалме. Ты поставил его над делами рук Твоих, ясная ссылка на место человечества в целом, в творении, внимая Бытию 1 и 2 и поручению человечества заботиться о мире, который создал Бог.

Автор Послания к Евреям, несомненно, знает об этом традиционном прочтении Псалма 8, но вместо этого он вводит христологическое прочтение этого текста. Фраза «Сын человеческий» — это титул, часто ассоциируемый с Иисусом и евангельскими традициями, и это становится точкой входа автора в применение текста к Сыну, Иисусу. Современные переводы, которые привержены гендерно-нейтральному языку, когда речь идет о людях, часто скрывают это, передавая фразу «Сын человеческий» более обобщенно, как смертных, и переходя от него к ним в последующих стихах.

Это имеет смысл для перевода псалма в соответствии с его традиционным применением к людям в целом, но это полностью затемняет то, за что автор Послания к Евреям ухватился в тексте псалма, чтобы его толкование сработало, а именно точный язык Сына Человеческого, который также является любимым способом Иисуса называть себя в Евангелиях от Марка, Матфея и Луки. Таким образом, это вводит дистанцию между текстом псалма и авторской интерпретацией этого текста, которая не существует в греческом языке. Версия

псалма в Септуагинте имеет особый поворот, который облегчает его применение к Иисусу.

В Послании к евреям недвусмысленно сказано, что Бог поставил людей немного ниже ангелов. Люди просто немного ниже ангелов на лестнице творения. Когда то же самое еврейское слово, которое дает нам пространственную меру немногого, переводится на греческий язык, оно становится двусмысленным.

Он может быть пространственным или временным, немного ниже или на некоторое время ниже. Проповедник Послания к Евреям использует вторую возможность создания воплощенного прочтения псалма, а затем фокусируется на последовательных событиях в пути Иисуса. Воплощение Сына включало временное принятие более низкого статуса ниже ангелов.

Но после того времени Сын был прославлен. Ты увенчал Его славой и честью. Это прославление последовало за смертью Сына и вознесением и возвращением в божественное царство и пребыванием одесную Бога.

Последний шаг в этой истории, Ты все покорил под ноги Его, еще не исполнился, как признается сам автор Послания к Евреям в главе 2, стихе 9. Мы еще не видим, чтобы все было покорено Ему. Здесь есть связь между текстом этого псалма и Псалмом 109, стих 1, который читался ранее в проповеди: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. В этом псалме Ты все покорил под ноги Его.

Итак, снова, это становится точкой связи для автора, чтобы прочитать текст христологически. Автор продолжает в стихе 9, чтобы применить язык этого псалма конкретно к Иисусу. Мы еще не видим, чтобы все были покорены ему, но мы видим того, кто на малое время был покорен ниже ангелов, Иисуса, который за претерпение смерти увенчан славой и честью, дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех.

В этом прочтении автор полностью ввел текст псалма в жизнь Иисуса и восприятие истории Иисуса аудиторией до сих пор. Но теперь он вводит в эту интерпретацию дополнительную часть, а именно, что этот сын человеческий умер за всех и что это было каким-то образом действие, которое было предпринято для блага других и было проявлением собственной благосклонности Бога. Это был акт самопожертвования, который налагал обязательства на аудиторию, получателей.

Итак, во всем этом автор еще не пришел к тому, что было бы главной мыслью псалма. Как человечество достигает славы и чести? Это будет темой следующего сегмента, поскольку мы продолжим развивать этот псалом автором в Евреям 2, стих 10. После представления автором этого христоцентричного прочтения

Псалма 8, автор начинает объяснять, почему страдающий Мессия был частью Божьего плана.

Мы читаем: Ибо надлежало Ему, ради Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов и дочерей в славу, вождя спасения их совершить через страдания. В начальных словах здесь, ибо это было надлежало, мы видим, что автор явно предлагает этот стих в качестве обоснования для предыдущего материала, того факта, что Иисус должен был сначала претерпеть унижение, став человеком, а затем дальнейшее унижение смертью на кресте перед своим прославлением и возвышением. Что было надлежало? Здесь надлежало, говорит автор, чтобы усовершенствовать Христа, автора или вождя пути к избавлению через страдания.

Что означает совершенство в Послании к Евреям, было темой многих диссертаций. Здесь позвольте мне просто предположить, что совершенный язык в Послании к Евреям в значительной степени связан с доведением чего-либо до конечной точки процесса развития, для которого оно было предназначено. Это можно применять во многих различных контекстах.

Ребенок совершенствуется, когда он или она становится взрослым. Человек достигает полной реализации, когда достигает зрелости. Посвященный в мистериальных религиях древнего мира, посвященный совершенствуется, когда обряд посвящения завершен.

На языке Исхода 29, в переводе Ветхого Завета Септуагинты, священники были усовершенствованы, когда их обряд рукоположения был завершен. В этом случае Иисус был усовершенствован не потому, что какой-то воспринятый недостаток в нем был окончательно исправлен, а скорее потому, что он был приведен к той конечной точке, к которой Бог вел его или направлял его. Это, вероятно, следует понимать как возвращение Христа во славе в небесное царство, переход Христа обратно в пребывающее царство Божьего присутствия, установленного там как великий первосвященник и посредник между Богом и всем человечеством.

Почему было уместно привести Христа к этому возвышенному положению всеобщего первосвященства через страдания? Вероятно, потому что, по мнению автора, страдание было бы путем, по которому многие сыновья и дочери придут к славе. Таким образом, в Божьем предвидении, Бог привел пионера многих сыновей и дочерей, первопроходца их освобождения, к этой конечной точке путешествия также через страдания. Многие сыновья и дочери имеют перед собой преимущества, которыми им еще предстоит насладиться, и, в частности, автор здесь фокусируется на вхождении в ту славу, в которую Иисус уже вошел в небесном царстве, в постоянном царстве жилища Бога.

Автор, кажется, предполагает, что способ, которым общий смысл Псалма 8, Псалма 8 как утверждения о славе, которая будет принадлежать человечеству, способ, которым общий смысл Псалма 8 осуществляется, осуществляется через посредничество Иисуса, Сына, пионера, в котором это литургическое пророчество теперь исполняется. Доха, слава, является ключевым словом как в тексте Псалма, так и в декламации текста Псалма в Евреям 2, стихи 7-9. Это слово, которое соответствует пастырской потребности слушателей автора, поскольку честь, доха или *timeh*, это именно то, что они потеряли в этом мире в результате того, что присоединились к христианскому движению в первую очередь. Таким образом, автор заверяет их, что их судьба не в том, чтобы продолжать жить в позоре или стыде, как они в настоящее время переживают жизнь под тенью своих не поддерживающих их соседей, но их судьба в том, чтобы разделить ту самую славу, которой наслаждается сам возвышенный Сын.

Связав славу Сына со славой, которая придет ко многим сыновьям и дочерям, которые последуют по пути, проложенному Иисусом, автор теперь останавливается на солидарности Сына со многими сыновьями и дочерьми, и он делает это с некоторыми изобретательными применениями текстов Ветхого Завета. Как мы читаем далее в Евреям 2, стихи 11-13, Ибо освящающий и освящаемые, все от одного. Посему он не стыдится называть их братьями, говоря: возведу имя твое братьям Моим.

Посреди собрания я буду славить Тебя. И снова буду надеяться на Него. И снова, вот я и дети, которых дал Мне Бог.

В этой серии цитат из Священного Писания автор вложил в уста Сына слова псалма, Псалма 21, и слова из Исайи, чтобы предоставить, так сказать, библейское свидетельство постоянной солидарности Иисуса со многими сыновьями и дочерьми. Когда он говорит, что тот, кто освящает, и те, кто освящается, все из одного, вероятно, имея в виду, что все из одного источника, автор резонирует со стоическим дискурсом о всеобщем братстве и сестринстве людей. Например, Сенека, римский философ, действовавший в первой половине первого века нашей эры, пишет: Мы все приходим из одного источника, имеем одно и то же происхождение.

Небеса — единый родитель всех нас. Также Павел в своей речи перед Ареопагом в Деяниях, глава 17, цитирует философа-стоика по имени Арат. Мы все его потомки.

Мы все — потомки Бога. Но здесь, в Послании к Евреям, акцент делается не на солидарности всех людей. Скорее, на солидарности возвышенного Сына со многими менее возвышенными сыновьями и дочерьми, которым еще предстоит насладиться уважением, присущим этой связи.

И как слушатели могут знать, что они наслаждаются этой связью с возвышенным Сыном? Автор приводит доказательства того, что он не стыдится называть их братьями и сестрами. Это утверждение автора подкрепляется чтением трех авторитетных текстов, представленных как способ, которым Сын владеет своими сестрами и братьями. Первый из них, Я возведу имя Твое братьям и сестрам моим среди собрания, я буду восхвалять Тебя, взят из Псалма 21, конца псалма, которому в ранней церкви было дано известное мессианское прочтение.

Вот псалом, который начинается: Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставил меня? С самого начала создания повествований о страданиях, где Иисус читает этот вступительный стих псалма с креста, ранняя церковь подвергается мессианскому, сосредоточенному на Христе прочтению этого псалма. Это поразительный герменевтический ход со стороны автора здесь, в следующих шагах, когда он помещает тексты Ветхого Завета в уста Иисуса как подходящую основу для толкования этих текстов. Когда он затем переходит к следующим цитатам, он берет то, что изначально было единым, последовательным текстом в Исаии 8, стихах 17 и 18, и разделяет его на две разные цитаты.

Таким образом, он может придать каждой половине несколько иной смысл, чем у Исаии. Например, у Исаии утверждение, я буду уверен в нем, было выражением уверенности пророка в Боге. Здесь, однако, автор подводит нас к тому, чтобы услышать это как выражение уверенности сына в каждом из тех, кого он называет братом или сестрой, поскольку это заголовок, под которым читаются все три текста в Евреям 2 :11-13.

Следующий фрагмент цитаты Исаии, вот я и дети, которых дал мне Бог, изначально был заявлением пророка о его собственных детях, которые в контексте теперь включали Махар-Шалал- Хашбаса , которых пророк назвал знаками и предзнаменованиями для жителей Иерусалима. Автор Послания к евреям теперь воспринимает это как оракул, произнесенный самим сыном, предоставляя еще одно доказательство открытой готовности сына идентифицировать себя и исповедовать солидарность со многими сыновьями и дочерьми. Проповедник говорит здесь о чести, которой обладают его слушатели, даже если их соседи в настоящее время не признают этого, стремясь вместо этого заставить их почувствовать себя опозоренными.

Сын, чье превознесение было предметом в значительной степени Евреям 1:1 по 2:9, имеет достаточно высокое уважение к верующим, что он не считает для себя позором быть связанным с ними самым тесным образом. Насколько же меньше, по смыслу, слушатели должны считать для себя источником стыда быть связанными с Иисусом? Если он готов оказать им такое доверие, как они могут предать такое доверие? Одно из преимуществ, которое, как подчеркивает автор

Евреям, Иисус приобрел для своих последователей, — это свобода от страха смерти.

Он выражает это в главе 2, стихах 14 и 15. С тех пор дети разделили плоть и кровь; он сам полностью разделил те же вещи, чтобы смертью уничтожить имеющего власть над смертью, то есть дьявола, и освободить тех, которые всю свою жизнь были подвержены рабству страхом смерти. В этом отрывке, поскольку автор продолжает подчеркивать солидарность сына со многими сыновьями и дочерьми, все из которых теперь разделили брэнность плоти и крови, автор вводит философскую тему о том, как мудрец или герой может освободить своих последователей от страха смерти и его парализующего воздействия на человеческую приверженность добродетели и мужеству перед лицом трудностей.

Эпиктет, ранний философ-стоик, который на самом деле был бы современником автора Послания к евреям, пишет, что, например, смерть не страшна, иначе она бы напугала Сократа. Сократ запомнился своим бесстрашным противостоянием смерти, когда он принял чашу с цикутой, назначенную ему афинским собранием. Этот Сократ был героем в глазах этих философов, уча, что смерть и каждый оттенок смерти, который может встретиться на нашем пути, — это то, что мудрец умеренного ума может вынести, и, следовательно, это не то, что без необходимости подорвет его приверженность правильным поступкам.

Сенека еще более полно излагает это в одном из своих нравственных посланий. Сократ, находясь в тюрьме, отказался бежать, когда некоторые люди дали ему такую возможность, чтобы он мог освободить человечество от страха двух самых тяжких вещей: смерти и заключения. Автор Послания к евреям смотрел на Иисуса как на того, кто совершил то же самое, даже в большем масштабе, для последователей Иисуса.

Он соединяет эту философскую тему мудреца, бесстрашно противостоящего смерти, с более иудейским и христианским апокалиптическим мировоззрением космической битвы между силами Бога здесь в лице Сына и Сатаны, космического врага Бога и человечества. Смерть Иисуса является как актом освобождения пленников, так и победой над их духовным пленителем. Свобода от страха смерти означает свободу от любого внешнего принуждения.

Это должно побудить слушателей рассматривать свои проблемы и свои ситуации как то, что они морально способны преодолеть. Они не должны подрываться в своей верности Иисусу этими бледными тенями смерти, с которыми они столкнулись, такими как стыд, упрек и потеря имущества. Это заявление об освобождении их Иисусом является еще одним поводом для верности и благодарности, и оно также должно предотвращать отступничество

и поощрять реинвестирование со стороны этих адресатов в их служение Иисусу и их продвижение чести Иисуса.

Автор продолжает в заключительных стихах главы 2 говорить о качествах Иисуса, необходимых для помощи многим сыновьям и дочерям. Он пишет: Ибо не ангелам Он помогает, но семени Авраама, откуда Он был обязан во всем уподобиться братьям и сестрам, чтобы стать милостивым и верным первосвященником в делах Божиих, ради искупления грехов людей. Ибо как Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь.

В этом отрывке мы видим, что автор использует расширенную реконтекстуализацию некоторых строк из 41-й главы книги Исаии, где пророк говорит: Семя Авраама, которое Я возлюбил, которое Я принял, Я Бог твой, Который помог тебе. Овладение смертными и осуществление их освобождения обязывало Сына стать подобным тем, кого он стремился спасти и кому помочь. Это возвращает нас к более ранней теме о том, почему Сыну подобало войти в славу только через страдания.

Именно таким образом Бог мог сделать Иисуса самым эффективным и чутким помощником и посредником Божьей милости, каким только мог быть Иисус. Этот отрывок вводит термин *archireus*, или первосвященник, который становится основной категорией, в рамках которой проповедник будет рассматривать как прошлую, так и настоящую работу Иисуса от имени многих сыновей и дочерей. Священники в древнем мире были строителями мостов между божественным и человеческим.

Действительно, латинское слово, обозначающее священника, *pontifex*, буквально означает строитель мостов. Частое использование слова посредник в Послании к евреям для описания роли Иисуса является еще одним отражением этого осознания важности священника как того, кто соединяет людей в этой сфере с божественным в ином недоступном мире. Это форма посредничества.

В древнем мире одним из ценных даров, которые покровитель мог дать кому-то другому, был доступ к одному из друзей покровителя или покровителей более высокого ранга. В таком случае покровитель не давал реального дара помощи, а устанавливал связь между человеком, который пришел к нему за помощью, и большим ресурсом, большим покровителем, который мог оказать эту помощь. Это тот тип отношений, который лежит в основе древних представлений о жрецах как о брокерах, посредниках и строителях мостов.

Автор останавливается здесь на страданиях сына как на некоем предварительном условии его способности быть благодетелем. Его собственный опыт, его собственная борьба с испытаниями и проверками вооружили его, чтобы прийти на помощь многим детям, которые испытывают

искушения. Он сам прошел дальше в выдержке испытаний и трудностей, чем любой из адресатов был бы призван пройти.

И поэтому они никогда не окажутся в месте, где Иисус не будет сочувствовать их беде, не узнает на личном опыте дискомфорт, который создают их нужды. Аудитория, как надеется проповедник, не сможет уйти с проповеди, не услышав, что все, что претерпел Иисус, было ради меня, и, следовательно, не обновится в своей благодарности и преданности такому великому благодетелю. Автор Послания к Евреям фокусируется на Иисусе как на первосвященнике, и это отличает его от многих его канонических коллег, где Иисус чаще изображается как царственный мессия, чем как священнический мессия.

Однако, хотя мессия-царь, сын Давида, более распространен, некоторые мессианские ожидания на протяжении периода Второго Храма развивались вокруг священнической фигуры. Это восходит к некоторым странным событиям в первосвященстве в начале второго века до нашей эры, в частности, к разрыву обычной первосвященнической линии при монархе Селевкидов Антиохе IV, когда претенденты на первосвященство начали претендовать на должность первосвященника и получать ее от царя-язычника. Большие группы иудеев стали весьма недовольны первосвященнической должностью в целом, и надежда на будущего священника, который будет совершать богослужения правильно, который будет делать то, что должны были делать священники, а не то, что делали эти претенденты на первосвященство в Иудее, начала становиться заметной.

Например, среди свитков Мертвого моря мы находим довольно заметную надежду не только на мессию Израиля, но и на мессию Аарона, священнической фигуры. Место жительства Кумран питало ожидание того, что Бог восстановит монархию Давиду и что он восстановит священство Садоку. Один из авторов одного из этих свитков пишет, что этот будущий священник искупит все грехи своего поколения и будет послан ко всем сынам своего народа.

Его слово подобно слову небесному, и его учение согласно воле Бога. Его вечное солнце будет светить, и его огонь возникнет во всех концах земли. Он будет светить над тьмой. Тьма уйдет с земли и глубокая тьма с суши.

Эти авторы с нетерпением ожидали священнического лидера, чьи приношения были бы приемлемы для Бога и чьи учения соответствовали бы Божьему закону. Одно из самых обширных свидетельств в древнем мире этой надежды на священнического мессию снова приходит из Завета Левия, в частности из 18-й главы. Ближе к концу этого завета мы читаем, что когда на них придет возмездие от Господа, священство прекратится.

И тогда воздвигнет Господь священника нового, которому откроются все слова Господни. Он воссияет, как солнце на земле. Он изгонит всякую тьму из-под неба.

Из храма славы придет на него освящение отеческим гласом, как от Авраама на Исаака. И слава Всевышнего откроется на нем. И дух разума и освящения почиет на нем.

И не будет ему преемника из рода в род вовеки. В священстве его грех прекратится, и беззаконники успокоятся от злых дел своих.

И праведники найдут покой в Нем. И Он откроет врата рая. Он устранил меч, который угрожал со времен Адама.

И даст святым вкушать от древа жизни. Дух святости почиет на них. И Велиар будет связан им.

Мы можем найти некоторые тесные связи между ожиданиями священнического Мессии и текстами, такими как Завет Левия, с священнической христологией Послания к евреям. Мы находим ожидание того, что Бог назначает этого священника напрямую. Что этот священник будет надежным посредником Божьего слова.

Что Бог будет считать этого священника в некотором смысле сыном. Что у этого священника не будет преемника. Мы могли бы сравнить то, что автор Послания к Евреям будет говорить об Иисусе как о первосвященнике навсегда.

Что этот священник положит конец греху. И что этот священник открывает путь в вечное царство. Завет Левия использовал для этого язык рая.

Автор Послания к Евреям использует язык небесного покоя или небесной страны или даже небесного святилища святых. Они также разделяют ожидание того, что священнический Мессия отстаивает причину своей зависимости от дьявола. Названный Велиалом здесь в Завете Левия.

При всех этих сходствах различия столь же примечательны. Эти модели в текстах периода второго храма еще не предполагают небесного первосвященника, который будет функционировать в истинном святилище божественного царства. Заступническая функция священнического Мессии также приглушена в этих текстах, если вообще присутствует.

И, конечно, нет ничего похожего на идею самопожертвования священнослужителя Мессии как очистительной жертвы за грехи. В этих аспектах автор Послания к Евреям показывает себя настоящим новатором в традициях,

которые он, возможно, унаследовал от своего еврейского наследия. Глава 2 Послания к Евреям, стихи 5-18, вносит вклад в риторическую стратегию автора несколькими важными способами.

В этом разделе он продолжает фокусировать внимание слушателей на Иисусе. Иисус — это то, что проповедник хочет, чтобы слушатели видели, чтобы он держался перед их мысленным взором в любой ситуации. Автор также подчеркивает здесь надежду на славу, которая находится перед аудиторией, поддерживая, таким образом, их продолжающееся терпение явного недостатка чести в их нынешних обстоятельствах.

Автор также начал раскручивать преимущества, которые получили слушатели благодаря самоотдаче и жертве Иисуса. Например, слушатели были освобождены от страха смерти, а Иисус был акклиматизирован к тем видам испытаний, с которыми столкнутся его многочисленные братья и сестры, чтобы он мог быть более эффективным посредником от их имени. Результатом этого является то, что постоянное единение с Иисусом в благодарности и преданности должно впечатлять слушателей как единственный благородный путь вперед.

Автор также стремится внушить слушателям, что у них есть все основания оставаться стойкими перед лицом попыток соседа подорвать их обязательство. В частности, они имеют постоянную помощь самого Сына Божьего, который вооружит их, чтобы выдержать и преодолеть любое искушение, если они положатся на него, доверяя его способности помочь им. Эта часть послания к евреям также продолжает говорить об особых трудностях и вносить неизменный вклад в наш путь ученичества.

Это бросает нам вызов сохранять веру в того, кто сохранил такую веру с нами, как мы видим в Иисусе. Если мы впитаем в себя послание автора о том, что все, что претерпел Иисус, было претерпето ради нас, ради нас, сохранение веры в него во всех трудностях, испытаниях или невзгодах, которые встретятся на нашем пути, станет для нас единственным благородным путем действий. Автор также напоминает нам, что в каком бы искушении или в какой бы ситуации испытания мы ни оказались, Иисус является настоящей помощью и может дать нам то, что нам нужно, чтобы пройти через этот эпизод искушения или испытания невредимыми.

Слишком часто, когда мы искушаемся, в этом смысле, я думаю, в первую очередь искушаемся нашими собственными желаниями или побуждениями свернуть направо или налево с пути, который Бог нам указал, слишком часто мы не приводим Иисуса в эту ситуацию искушения. Слишком часто, когда мы испытываемся, и под испытанием я имею в виду те ситуации, когда на самом деле не что-то внутри нас, а что-то вне нас давит на нас и пытается заставить нас приспособиться к пути, который мир выбрал бы для нас, слишком часто в этих

ситуациях мы также не приводим Иисуса в эту ситуацию. Так же, как автор Послания к Евреям напоминает своей общине о присутствии Иисуса и Его способности оказывать помощь тем, кто стал духовным семенем Авраама, так же автор обращается и к нам и призывает нас в любой ситуации научиться привычке прибегать к престолу благодати и в этот момент молиться Иисусу и приглашать его войти, чтобы он мог поднять нас в этой ситуации испытания или искушения, переориентировать нас на путь вперед и напомнить нам самим своим присутствием и своим примером о пути, ведущем к непреходящей целостности и чести, который всегда будет путем послушания Богу, что бы это ни значило с точки зрения самоотречения или стойкости перед лицом внешнего давления.

Автор также призывает нас испытать, что значит быть освобожденным от страха смерти. Страх смерти подрывает мужество человека перед лицом внешнего принуждения или чего-либо, что грозит потерей или чем-то похуже. Страх смерти — это то, что делает людей робкими перед лицом несправедливости, будь то лично пережитой или увиденной.

Страх смерти подрывает нашу приверженность вкладывать себя в жизнь, к которой призывает нас Бог, заставляя нас думать, что нам нужно жить все больше и больше для этой жизни и для вещей этой жизни, потому что у этой жизни есть конец, после которого — великое неизвестное или, возможно, даже ничто. Страх смерти — это то, что в конечном итоге заставляет нас дисфункциональными способами пытаться обезопасить свою жизнь, обеспечить себе какое-то чувство постоянства здесь из-за этого затянувшегося чувства, что наше растворение или растворение в небытии всегда где-то там, перед нами. Этот страх смерти может подтолкнуть нас к сверхдостижениям, может подтолкнуть нас попытаться накопить богатство для себя и сокровище для себя, которое становится своего рода изоляцией от смерти, будучи изоляцией от любой нужды или желания.

Он может привести нас к компульсивному и контролирующему поведению, когда мы пытаемся регламентировать жизнь и держать хаос на расстоянии. Во всех этих отношениях страх смерти подрывает намерения Бога относительно человека. В этом заявлении о том, что Иисус освободил своих последователей от страха смерти, автор бросает нам вызов, чтобы мы узнали, чем становится наш проект, чем становится человеческая жизнь, если мы действительно упиваемся верой в то, что смерть не является началом и концом всего нашего существования, и если, на самом деле, это не было для этого материального творения, которое в конечном итоге было нам предназначено.

Если мы держимся за нашу трансцендентность смерти, за обещание воскресения, вместе с Божьим призывом любить праведность и ненавидеть беззаконие, мы получаем огромную силу стремиться в этой жизни к Божьим

ценностям и Божьему видению, даже перед лицом большой личной утраты и противостояния. Такая ориентация на мир также бросает нам спасательный круг, с помощью которого мы можем вырваться из запутанных сетей наших собственных стремлений к защите от смерти, освобождая нас, чтобы служить не нашему собственному страху и неуверенности, а другой, большей, Богоцентричной повестке дня.